

личным проявлениям русского национализма, которому по сути своей глубоко чужды этнические чувства<sup>1</sup>.

Распад СССР породил еще один предмет исследования: русский национализм в новых государствах Прибалтики и СНГ. В качестве причин его возникновения называются либо вышеупомянутое имперское сознание русских, принимающее форму враждебности к “неблагодарным младшим братьям” (распространено сравнение русских в новых государствах с франко-алжирскими “черноногими”), либо реальный или воображаемый национализм титульных наций новых государств, который в свою очередь мог быть порожден реальным или мнимым неравноправием этой нации в рамках СССР (“интерактивный национализм”)<sup>2</sup>. Независимо от того, признают ли авторы проявление национализма титульных наций в отношении к русским, националистическое поведение самих русских расценивается как фактор, осложняющий ситуацию в новых независимых государствах.

Исследование различных концепций современного русского национализма, выдвигаемых исследователями США, представляет не только историкографический, но и прикладной интерес в силу накопленного в США значительного опыта изучения и практического обращения с национальными проблемами.

**М.А. Арапова**

## **ОТ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ К РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ?**

Одной из самых актуальных задач, решение которой должно было способствовать социально-экономическому и политическому развитию советского общества, традиционно считалось совершенствование идеологической деятельности.

Сегодня такая формулировка задачи общественного развития стала непопулярной, анахроничной, что вполне объяснимо, если принять во внимание рефлекторное отторжение интереса к идеологическим проблемам как отторжение той тотальности, с которой идеология выполняла свои функции в прежнем обществе. Не случайно синонимом тоталитарного общества стало понятие общества идеократического. Проникновение идеологии во все сферы общественной жизни, вытеснение и замещение специфических функций социального контроля и социальной регуляции, присущих праву, морали, религии и т.д., идеологическими функциями не могли не сказаться на процессе их собственного развития. Идеологическое насилие стало механизмом, обеспечивающим социальный порядок, стабильность в обществе. Более того, оно стало практически единственным носителем

---

<sup>1</sup> См.: Dunlop J. B. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Princeton, 1993.

<sup>2</sup> См.: Chinn J., Kaiser R. Op. cit.

идеологической функции за счет единственно возможного субъекта идеологической деятельности - государства. Это не только не способствовало развитию элементов гражданского общества, но и сформировало обратный социальный стереотип - надежду на то, что многие, если не все, проблемы социальной организации можно решить идеологическими, а не правовыми или какими-либо другими средствами.

С результатами идеологического насилия мы сталкиваемся сегодня не только на уровне неразвитой правовой базы, достаточно низкой правовой и политической культуры общества, неэффективной регулятивной практики социальных институтов. В наследство от прежних времен достался и "идеологический" человек с системой сформированных стереотипов, привычных механизмов восприятия социально значимой информации. То, что современное общество на эмоциональном уровне отторгает старую идеологию, еще не говорит о том, что выработаны новые идеологические алгоритмы. Действенность идеологии всегда основывалась на ее способности специфическими средствами осуществлять перевод субъектно-необходимого в индивидуально-поведенческое. Субъектом идеологической деятельности может и должно быть государство, в интегрированном виде выражающее и защищающее интересы различных социальных групп, а также сами эти группы, способные осознать свой интерес, выразить его и создать собственный идеологический механизм воздействия на общество.

В традиционном понимании под идеологической деятельностью подразумевалось воздействие государства (партии) с помощью целой армии идеологических работников, специально существующих для того, чтобы создавать, распространять и таким образом внедрять в сознание масс определенные мировоззренческие ценности. Отказ от существования единственно возможной идеологической концепции не привел к автоматическому появлению какой-либо иной, равной по своим глобальным масштабам прежней. Массы же, эмоционально отторгая ее содержание, из-за отсутствия вполне исторически объяснимых креативно-идеологических способностей не могут создать ничего принципиально иного. Отсюда эти достаточно потребительские призывы о необходимости новой национальной идеи, новой объединяющей технологии, обращенные к абстрактно-потенциальным ее творцам. На самом-то деле они не только демонстрируют непонимание на уровне общества необходимости формирования социальной зрелости социальных субъектов, способных выразить собственные интересы, но и показывают готовность общества принять систему идей, претендующих на всеобщность, а следовательно, воспроизвести старый идеологический алгоритм.

Парадокс заключается не в том, что эти призывы на практике означают требования социальной стабильности, порядка, выхода из состояния неопределенности и хаоса, а в готовности согласиться со старым механизмом обеспечения этой стабильности - идеологическим насилием.

Вот почему тема идеологической деятельности, идеологических отношений в обществе представляется не только актуальной, но и чрезвычайно важной. Для того чтобы современное общество смогло создать условия быстрого формирования собственно правовых, демократических, политических, социальных регуляторов, нужно досконально разобраться и понять, в чем заключался потенциал действенности старого идеологического механизма. Важно выяснить, можно ли, используя старый идеологический механизм с новой содержательной начинкой, избежать воссоздания целой идеологической системы.

Именно на современном этапе развития общества необходимо, на наш взгляд, возвращение к идеологической проблематике на новом качественном уровне, и изучению социально-практической и духовно-практической функций идеологических отношений. Разоблачение и отказ от старой идеологии не означают того, что идеология вообще перестала играть свою социальную роль.

**А.Я. Пучков**

### **РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В современном российском обществе большую актуальность приобретают вопросы сосуществования различных религиозных конфессий. Это связано как с вполне обоснованными претензиями Русской православной церкви на приоритет в духовной жизни России, так и с реальным распространением различного рода учений, прежде всего протестантского толка. В этой связи представляется необходимым дать некоторый анализ развития религиозной толерантности в истории человечества.

Развитие толерантности в истории религии можно представить как процесс оценки и принятия тем или иным человеческим сообществом чужих верований, в которых можно выделить 3 последовательных этапа:

- чужое не опасно;
- чужое не всегда неверно;
- чужое может быть полезным.

Как показывают исследования древних сообществ, проведенные Э.Б.Тайлором, Дж.Дж.Фрэзером и другими исследователями, изначальным этапом в восприятии чужого, в том числе верований иных племен и народов, был страх. Все, что лежало за границами восприятия древних людей - от природных ландшафтов до религиозных представлений, принималось как опасное. С появлением первых государств и определения военной экспансии как основного содержания человеческой деятельности страх отходит на второй план и сменяется стремлением к покорению. История древнееврейского государства показывает, что именно религиозная нестерпи-